

**КНЯЖНА ТАРАКАНОВА – СЮЖЕТ В РУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И
ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИИ XIX ВЕКА**

Денка Кръстева

(Денка Кръстева, Шуменски университет „Епископ Константин Преславски”,
Шумен 9712, ул. „Университетска” 115)

*“[...]со временем история...откроет жестокую деятельность
ее (Екатерины II) деспотизма
под личиной кротости и терпимости[...]
и тогда голос обольщенного Вольтера
не избавит ее славной памяти от проклятия России”.*
А. С. Пушкин. “Заметки по русской истории XVIII века”

*Orloff était régicide dans l'âme,
c'était comme une mauvaise habitude.
(Орлов был в душе царевубийцей,
это было у него как бы другой привычкой).*
А. С. Пушкин. Table-talk

Объект наблюдений в настоящей работе – мемориалы Екатерине II, созданные сто лет после ее восшествия на престол в 1762 г. Больше десятилетия шла работа по проекту памятника с фигурами ее сподвижников (и фаворитов) у пьедестала. Памятник воздвигнут в 1873 году. Почтению памяти императрицы импозантной скульптурой, казалось бы, отвечает слово. Во второй половине XIX века - с конца 1850-ых гг. – одна за другой появляются реконструкции екатерининского века: собственно исторические, литературные, наряду с фольклорной версией его отдельных эпизодов. Что касается литературной версии истории, в ней заметно исключительное внимание к “шатанию престола Екатерины II” (по выражению В. Ключевского) и беспощадности битвы за охранение короны от законных наследников. Наряду с устным словом петербургского предания, с записками и воспоминаниями, до второй половины XIX века хранящимися в дневниках [1], литература активно участвует в воссоздании драматической тетралогии русского трона, разыгравшейся во второй половине XVIII-ого века. В “Записках” статс-дамы при дворе Екатерины II княгини Дашковой, в воспоминаниях А. Болотова, в знакомых за границей рассказах секретаря французского посольства Рюльера¹ оживают страницы переворота 1762 г. с убийством императора Петра III, устранением сына Павла (русского Гамлета), гибелью 20-летнего Иоанна Антоновича, заключенного “царя-младенца”, зарубленного при опыте его освобождения гвардейским офицером Мировичем. Отметим, что в литературной версии политических спектаклей Екатерина – их режиссер и постановщик, а среди

¹ Путь к трону 1997.

действующих лиц неизменна фигура сподвижника-(царе)убийцы – графа Алексея Орлова.

Любопытно, что в ходе обсуждения проекта памятника Екатерине II по настоянию Александра II в скульптурную группу сподвижников императрицы у пьедестала включена скульптура Орлова, как военного деятеля². Восприятие Алексея Орлова у пьедестала памятника Екатерине II, однако, могло оказаться связанным не только с Чесменской победой.

В литературной истории кризиса власти Екатерины II, как и в его фольклорной версии, особо стоит корпус текстов о судьбе загадочной принцессы Владимирской, считаемой дочерью императрицы Елизаветы Петровны: она объявляет в Европе свои наследственные права на корону Екатерины II, получает влиятельную поддержку ряда дворов и превращается в политическую опасность для Петербургского трона; финалом этого политического события 1770-ых годов (1773-1775 гг.)³ является устранение соперницы власти по велению Императрицы и при пособничестве неизменного “сподвижника” - графа Алексея Орлова-Чесменского [2].

Отметим, что устное слово петербургского предания и литература сооружают “мемориал” паре “Екатерина – сподвижник у пьедестала” при особом отношении уже сложившегося профессионального подхода историков к прошлому. В XIX веке систематические курсы русской истории, которые в деталях повествуют о царствовании Екатерины II либо обходят стороной недавний эпизод с принцессой (С. Соловьев, В. Ключевский), либо относят его к загадкам русской истории XVIII века (Е. Карнович). Частичными объяснениями могут послужить смерть С. Соловьева, не успевшего закончить свой труд, прерванный на изложении событий 1775 г., а также бытность В. Ключевского придворным преподавателем отечественной истории царственного наследника. Прежде всего, однако, возможной причиной могла быть недоступность архивов, связанных с принцессой. Они строго охраняются в дворце, а без них профессиональный исторический комментарий невозможен. Наконец, допустимо целенаправленное избежание толкования щекотливого для дворца вопроса об “убиенной царевне”.

Как показывают недавние розыскания историка-архивиста, претензии к короне Екатерины II не лишены основания⁴. Н. Молева указывает на этапы отношения к этому историческому эпизоду. Молчанию дворца при Екатерине, Павле, Александре I приходит на смену торопливое поведение Николая I сразу после его восшествия на пошатнувшийся в результате декабрьских событий 1825 года трон. Николай I торопит сбор материалов по “секретному делу”, доверенному придворным историкам.

² Уортман 2000, т. II: 182.

³ См.: Мыльников 1991: 221-222.

⁴ Молева 1980; Мыльников 1991.

Кроме забот об охранительных представлениях о “самозванке”, дворцовые историки приклеили ей имя княжна Тараканова, которое сама Елисавета II не знала.

Позволительно предположить, что исключительные меры дворца по делу и охранению его тайны связаны с сомнениями об “убиении царевны” – дочери Елисаветы Петровны и родной внучки Петра I. Особенно в контексте сценариев власти, в которых неизменной является связь с Петром I. “Тайне” дворца противостоит *устный рассказ* (толки, слухи, воспоминания) об истреблении Екатериной II царской крови. Он – в основе городского петербургского предания о затоплении брошенной в Петропавловскую крепость царственной наследницы русской крови⁵. Это предание, на наш взгляд, – основной источник длительной политической жизни исторического эпизода, чьей кульминацией является массовый интерес к нему сто лет спустя.

1. Петербургское предание о судьбе принцессы могло бы найти поддержку в контексте кризиса легитимности власти, в расхожем к концу правления Александра I и во время Николая I представлении о самозванчестве на троне “немцев русских” – аргумент как раскольнического неприятия власти так и идеологического отречения от нее республиканцев (А. Бестужев и К. Рылеев, “Царь наш – немец русский” 1823 г.; П. Вяземский, “Русский бог”- *бог в особенности немцев* 1828 г.; неизвестного автора “Русский царь” начала 1850-х гг.). Есть основания предположить, что предание могло бы циркулировать в кругах, обсуждающих “цареубийство, содеянное А. Орловым”. Пример тому *Разговоры Н. К. Загряжской в Table-talk* Пушкина (1833-1835).

Подпольная легенда об “убиенной царевне” – уничтоженной по велению Екатерины – становится активным политическим субъектом после в восшествия на престол Александра II. Обстоятельствами, определяющими характер этого внимания, можно считать относительную либерализацию жизни страны при Александре II, но и мощное проникновение нигилизма, как идеологического направления, и связанный с этим общий кризис царской институции.

В 1859 г. славянофильская “Русская беседа” объявила себя против “лжи и пробелов в русской истории после Петра I” в предисловии к публикации о княжне Таракановой. Подпольной жизни предания о сгубленной дочери императрицы Елисаветы Петровны при охранении “тайны” дворцом наступает конец. Дворец вынужден принять объявленный вызов и верноподданный журнал “Русский вестник” предпринимает публикацию “документов” о Таракановой. Как показывает архивист, это происходит после их тщательного манипулирования в пользу версии о “самозванной авантюристке”⁶. В поединке версий “самозванная княжна

⁵ Синдаловский 1997: 126.

⁶ Молева 1980.

Тараканова” или “дочь Елисаветы, внучка Петра I и жертва Екатерины II” наступает этап нежелательного для дворца широкого *публичного интереса и обсуждения*.

Сюжет устного рассказа об “убиенной царевне” оказывается публично обозначенным в 1863 году. В Петербурге выставлена картина К. Флавицкого “Княжна Тараканова”. В основе замысла художника лежит петербургская легенда о смерти принцессы: в комнату заключенной в Петропавловской крепости через окно проступает вода во время большого наводнения 1777 года. Художник работает над картиной после своего возвращения из Италии, где он пребывал 6 лет – с 1856 по 1862 год. Флавицкий неожиданно переходит от своего амплуа - историко-религиозной темы к сюжету из русской политической истории. Можно допустить непосредственное влияние “русской легенды” о графе Орлове и похищении им княжны Таракановой в Италии. Конечно, и влияние публицистического сражения в связи с установлением истины о русской истории, которое он застал по своему возвращении в Петербург. Известно недовольство Александра II картиной Флавицкого. Император “повелел в каталоге против произведения ... сделать отметку, что сюжет заимствован из романа, не имеющего никакой исторической истины”⁷. Картину спас Третьяков, затем последовала ее отправка в 1867 году на выставку в Париж.

Выставка картины Флавицкого вызвала огромный интерес, превратилась в предмет массового обсуждения, особенно в либеральных кругах⁸. В битву между Дворцом и русскими либералами вступает Церковь – публикациями о настоящей дочери Елисаветы - Августы Таракановой, о ее добровольном отречении от власти и уходе в Ивановский монастырь, где она принимает иноческое имя Досифея и где после ее кончины в 1810 году она похоронена в царской усыпальнице Романовых.

Сражение охватывает все более широкое поле публицистики: “Чтения Московского Общества Истории и Древностей России”, “Русский архив”, “Санкт-Петербургские ведомости”, “Душеполезное Чтение”, “Северная пчела” наряду с проправительственным “Русским вестником” М. Каткова и славянофильской “Русской беседой” публикуют материалы о княжне Таракановой, появляются ее истории: В. Панина (1867), А. Васильчикова (1868), В. Руднева (1876). В разразившейся полемике вокруг сюжета “Смерть Таракановой, погибшей в Петропавловском каземате” все большую отчетливость приобретает версия об “уничтожении законной наследницы престола”. Образ Екатерины и ее сообщников, открыто именованные “убийцами” в “Объявлении”, присланном еще в 1771 г. с Камчатки в Сенат с подписями десятков ссыльных⁹, обретает публичность и плотность.

⁷ История русского искусства... 1980: 31.

⁸ Молева 1980:171-180.

⁹ См.: Мыльников 1991: 225.

Это может объяснить востребованность сюжета о княжне Таракановой в контексте нигилизма 1860-1870-х гг., выдвинувшего на передний план проблему кризиса власти. Это период “Отречения от Царя-Патриарха”: раскол приобретает все более широкие масштабы, охватывая многомиллионную массу¹⁰, нигилизм по отношению к власти принимает форму анархизма с программой о расправе с сановной властью. Упомянутое отречение “Русского Бога” поэтами-декабристами, П. Вяземским как идеологическое свержение сакрализации Царя-Бога при Николае I, в 1860-е гг. предстает как религиозно-политическая проблема, как масштабное противостояние властимущим, самозванчеству на троне (лжи после Петра I).

2. В условиях нигилистического Отречения от Царя *литература* включается в идеологическую баталию по вопросу о легитимности власти обращением к сюжету о Княжне Таракановой и к вопросу о том, кто она есть: справедливо устраненная самозванка или убиенная царица. Ответы содержатся в двух спорящих версиях об Екатерине – версия об Екатерине-защитнице русского трона и версия о коронованной самозванке. В полемицизирующих литературных реконструкциях екатерининского века для нас любопытна текстуализация политической жизни 1770-х гг. с расчетом обеих версий на активное участие в “текущей” политике 1860-ых-70-ых годов.

Одним из первых по времени своей публикации оказывается очерк П. И. Мельникова-Печерского “Княжна Тараканова, принцесса Владимирская”, опубликованный в проправительственном “Русском вестнике” 1867, № 5, 6 и 8. Публикация Мельникова может быть истолкована в прямой связи с его усердиями чиновного служителя по изучению раскола и принятию мер против многомиллионного отречения от официальной власти Царя-Патриарха. Это, вне сомнения, ставит Мельникова-Печерского в позицию защитника Царя и от самозванческих притязаний. Позволительно комментировать появление этой публикации в качестве защиты царской институции как реакцию, направленную на набирающий скорость кризис легитимности власти, уже обозначенный двумя покушениями на Александра II – предыдущего 1866 и настоящего, 1867 года.

О направленности текста Печерского – выполнить роль защиты Дворца с позиций истины – показателен жанр “очерка” с его конвенцией достоверности, дополнительно заявленной множеством ссылок на публикации исторических фактов. Центром аргументации защиты можно считать публикацию в очерке “истины” о дочери Елисаветы – настоящей княжне Августе Таракановой. Звеньями рассказа являются распоряжения Екатерины о ее возвращении в Россию в 1785 году из Европы, о последовавшем добровольном отречении от власти и уходе в полное

¹⁰ Мельников-Печерский 1909: 384-409.

усамотение в подмосковный Ивановский монастырь. По указу Екатерины II с 1761 года монастырь был предназначен “для призрения вдов и сирот знатных и заслуженных людей”. Принявшая иноческое имя Досифея была окружена вниманием митрополита Платона после смерти Екатерины II. Она похоронена в 1810 году при стечении огромного множества людей, наследников Разумовского – тайного супруга императрицы Елисаветы – и знати Москвы в Новоспасском монастыре, в усыпальнице бояр Романовых – предков Петра I и Елисаветы.

Рассказ о царственной инокине Досифее в очерке Мельникова противостоит петербургскому преданию о том, что в Петропавловской крепости “уморили дочь императрицы Елисаветы Петровны”. Он является аргументом для оправдания действий Екатерины II при устранении самозванной авантюристки Таракановой. Манипулирующая сила версии о “самозванке”, на наш взгляд, связана с тем, что представленная в “очерке” текстуализация поведения авантюристки в каждом своем участке содержит возможности соотнесения с культурными практиками екатерининского века и с современным политическим контекстом.

В первую очередь – в постановке вопроса о женском самозванчестве светской особы за пределами России. Печерский тонко учитывает возможность явления как ответ на длительное женское правление страной после Петра I. Тонкий знаток раскола не грешит и против религиозного аспекта русского самозванчества в случае женских самозванческих политических претензий: правдоподобие его возникновения за пределами России в поддерживающем контексте светской жизни и авантюризма, как европейского явления Просвещения [3].

Широкораспространенная русская легенда о детях Елисаветы от тайного брака с ее фаворитом Алексеем Разумовским в интерпретации Печерского – возможность для политической игры в роли наследника власти. В этом случае, если допустим *воображение/изобретение царственного происхождения*, то окажемся в периметре одной из распространенных “творческих” практик екатерининского века – сочинение фальшивой родословной. Вельможное общество конца XVIII века занято изобретением представлений о корнях своего благородства, часто уводящих к предкам-иноземцам, и фиксацией их в письменных текстах. Это одна из практик завоевания социального признания, которая позволяет заметить, что самозванчество (“воображение благороднического происхождения”) является структурой мышления вельможной знати екатерининского века. При этом любопытен опыт завоевания социального признания обманом. Наряду с этим, воображение биографии (царского происхождения) – элемент политической игры как самозванца, так и авантюриста.

Среди убеждающих аргументов Печерского – “выдумывание принцессы Владимирской” как орудие польской интриги при участии иезуитов. “Лжеелисавета” вторит образу Лжедмитрия – тоже

изобретенного поляками¹¹. Подобное изображение “самозванки”, на наш взгляд, рассчитано на представления о европейском заговоре против России времен Екатерины II¹², о враждебности Польши. С ориентацией на массовое сознание, не так давно пережившее разгром во время Крымской войны (1856 г.), нанесенный опять-таки объединенной на сторону Турции Европой, а также последнее по времени польское восстание 1863-1864 года.

Печерский разворачивает политическую игру самозванной авантюристки, в целях ее дискредитации, с ориентацией на модель плутовски-приключенческого романа. Тараканова в его изображении - русская “Манон Леско”. Кокетирующая искусительница разъезжает по европейским городам, меняя свои имена, вступает в любовные связи ради денег и роскоши, в поисках спасения от кредиторов меняет любовников, отсылая их в тюрьму. Образ авантюристки - деталь манипулирующей концепции двора о “самозванке” - польском орудии. В изображении Печерского кокетство самозванки - часть польской политической стратегии, направленной на приобретение приверженности влиятельных кругов Европы в колебании русского трона.

С точки зрения политики этой интерпретации, очевидно, верноподанный “очерк” Мельникова прозвучал “За Царя”. Он манипулирует представлениями о Таракановой в согласии с придворным сценарием Александра II¹³, рассчитанный на чувства национализма и имперского величия, не так давно заявленные празднованием тысячелетия Руси в 1862 г., совпадающим со столетием после восхождения Екатерины II на престол, а также с предстоящим 200-летним юбилеем Петра Великого (1872 г.).

Концепцию о “самозванной авантюристке” варьируют Д. Дмитриев (роман “Авантюристка”), граф Е. Салиас (“Княжна Тараканова”), Е. Карнович (“Самозванные дети”).

Представлениям о политической игре Таракановой противопоставляется Г. Данилевский, известный своим умеренным либерализмом. В 1883 г. выходит из печати его роман “Княжна Тараканова”. Текст быстро переходит в состав массово читаемой литературы и приобретает широкую известность. На его интерпретацию, как представляется, могло повлиять пребывание писателя на несколько месяцев в заключении в Петропавловской крепости. Вина Данилевского против Императора и его власти состояла в том, что он оказался случайным гостем в кружке петрашевцев. Суровость охранения власти от посягательства (новых самозванцев) Данилевский испытал. С таких позиций его привлекает битва за власть в екатерининский век (“Мирович”),

¹¹ Печерский 1982: 356.

¹² Зорин 2004: 65-94.

¹³ Уортман 2000, т. II.

1875-1879 г., с гибелью Иоанна Антоновича, “Черный год” пугачевщины, 1887 г.).

В “Княжне Таракановой” мы допускаем заведомую ориентацию Г. Данилевского на массового читателя, ссылаясь на воспроизведение двух популярных романовых моделей.

Иключительная судьба, тайна происхождения, невинность жертвы из-за искренней веры в свои права на русскую корону всерусской княжны – аспекты романтического образа княжны Таракановой, уничтоженной спланированным любовным обманом и предательством. В изображении Алексея Орлова Данилевский зеркально отражает интерпретацию поведения Таракановой в очерке П. Печерского, следуя модели галантно-авантюрного романа. Он вторит рассмотренной стратегии рационализованного поведения, направленного на успех в политической битве: расчетливость каждого шага, предвидение и управление поведением всех участников сценария [4]. На последовательность ролевых перевоплощений политического игрока Орлова указывает ряд идентификаций: с идеальным рыцарем - он Сид, Баярд¹⁴, на чью храбрость и честность возлагает надежды Дама-Царица; галантный кавалер – Селадон, влюбленный в Астрею (напомним, что Астрея – одна из ролей Екатерины в ее придворных сценариях) в разыгрывании идиллического любовного романа; наконец, он – Дьявол, сознательно сгубивший жизнь (с. 90).

Согласно версии Данилевского, погибшая узница в Петропавловской крепости – невинная жертва. Опорой для такой интерпретации является воспроизведение *придворной политики* с изобретением в ней образа политической противницы и сценария ее устранения. В центре повествования Данилевского – текстуализация политических действий Екатерины и графа-пособника ее власти. Можно заметить их соизмеримость с литературными моделями и другими практиками екатерининского века, перенесенными в политику.

В корреспонденции, припоминаемой Орловым, Екатерина конструирует образ *авантюристки*: “ни малейшего сомнения - она авантюьера”, “всклепавшая на себя имя”, “второе издание Пугачова”. Тем самым поведение претендентки на престол оказывается отнесенным к авантюризму конца XVIII века, как к явлению европейской жизни, достаточно часто выбирающему Россию как поле действий¹⁵. Отметим, что авантюризм правомерно рассматривать как культурную форму в “негативе” Просвещения. Явление можно интерпретировать как проявление рационализованного поведения и уверенности в возможной управляемости судьбы и истории.

В исполнении распоряжений Екатерины II графа Алексея Орлова ограничивает опасность скандала и это исключает осуществление задачи

¹⁴ Данилевский 1983: 60.

¹⁵ См. подр.: Строев 2000.

“силой” со стороны опытного в приобретении и охране власти императрицы (задушившего императора Петра III) Орлова. “Взятие” политической противницы “ловкостью” – основа *сценария поведения*. Орлов сформулировал свою “тактику” в письме Екатерине – “Все силы употреблю, чтоб оную достать обманом”¹⁶. Победа в политической битве проходит через несколько ступеней в обмане противницы: сначала *ролью* политического приверженца недовольного немилостью Екатерины к брату Григорию Орлову, затем *ролью* галантного ухажера и, наконец, влюбленного, уводящего принцессу с собой с предложением брака. Рационализация политической игры, реализуемой как прельщение, искушает мыслить соотнесение Данилевским сценария политического действия графа Орлова с контекстом либертинажа Екатерининской эпохи и ее двора. Практики дворцового и великосветского повседневия направлены на *завоевание* социального признания. При этом можно заметить, что в романе выдвигается в качестве универсальной модель поведения Орлова в виде “битвы с противником” – как в его кулачных боях и в охоте, так и в устранении Петра III, а затем в Чесменском бою. При этом одоление противника достигается не только силой, но и разумом и обманом, усыпляющим под личиной преданности, дружбы, любви. Орлов изображен как ловкий политический игрок, вычисляющий шаги любого присутствующего на сцене события (лейтенанта Концова, принцессы) и управляющий их поведением.

Таким образом, можно предложить вывод о том, что в версии Данилевского сценарий политической акции Орлова вписывается в модель *галантно-авантюрной* великосветской жизни екатерининского века с основными фигурами кокетки, обольстителя, игрока¹⁷. Во всяком случае, в построении действий Орлова очевидно перенесение практики любовной ловушки – из светской жизни и литературы (во время Екатерины в России знали ее по переводам романы Прево, Лакло) в реальную политику. Финалом сценария западни является арест принцессы адмиралом Грейгом на корабле близ Ливорно, куда граф Орлов заманил ее для венчания при обещанном зрелищном воспроизведении Чесменской битвы. Соизмеримость военной битвы с политической удваивает образ победы Орлова. “Доставленная” в Петербург арестантка заключена в каземате Петропавловской крепости. В изображении Данилевского она умирает 4 декабря 1775 года от чахотки скоро после разрешения от бремени с побочным сыном графа Алексея Орлова-Чесменского.

Данилевский изображает невинность жертвы, искренне поверившей в свои права, мимоходом выстраивая в романе “мемориальную цепь” законных наследников престола, устраненных Екатериной II: Петр III – сын Павел – Иоанн Антонович – дочь императрицы Елисаветы. Его позиция

¹⁶ Русская беседа, 1859, т. 6, кн. 18, с. 71. Цит. по: Мещеряков 1983: 15.

¹⁷ Пыляев 1897 (1990): 22-59.

против легитимности власти Екатерины II очевидна и имеет отношение к постановке и обсуждению вопроса об Отцеубийстве. В философских контекстах нигилизма и анархизма в составе высокой литературы герои Достоевского проходят через испытания в отрицании всех форм патернализма (Бога, духовного Отца, гражданской власти и, наконец, родительской). Романы Данилевского – бывшего в контактах с петрашевцами и многолетнего сотрудника Достоевского в журнале “Время”, переводят политический смысл этой проблематики (отречения от безнравственного Царя) в сферу массовой литературы.

3. Все “следы” стабильного интереса к фигуре Таракановой и Екатерины II с ее сподвижником в обретении и охране власти на протяжении нескольких десятилетий – несмотря на аргументы “за” или “против” – позволяют думать об этом интересе как о субъекте кризиса царской институции в рамках нигилистической смуты. Они поддерживают его напряжение, совпадая по времени своего появления с покушениями на жизнь Александра II в 1866, 1867, 1879, 1880 и 1881 году, когда он был убит народовольцами. Небезинтересно, что среди организаторов и непосредственных руководителей семи покушений на Царя - женщины: Вера Фигнер, С. Перовская, которая является непосредственным руководителем убийства Царя недалеко от Зимнего дворца 1 марта 1881 года. Поэтесса Фигнер, учительница Перовская, не могли не знать петербургский фольклор, толки и литературные новинки о княжне Таракановой. Обновление женского самозванчества, направленного на “поправление Фортуны” устранением нелегитимного царя-самозванца (внука Екатерины II) уже в контексте эмансипации, не нуждается в комментарии.

О воскрешении триады бунта против власти “самозванчество – раскольниковство – юродство” в складе мышления нигилистической Смуты свидетельствует еще одна картина - “Боярыня Морозова” В. Сурикова с изображением идущей на смерть раскольницы у царских хоромов (1883). Она выставлена в год выхода из печати романа Данилевского. Любопытно внимание к картине уже заключенной В. Фигнер. Сочувствие к боярыне Морозовой, расплатившейся жизнью за раскол – в основе идентификации “новый раскол – цареубийство”¹⁸. Сюда добавим и юродство петербургских прорицателей убийства царя¹⁹, а также расхожее слово Распутина, несколько позже смерти Александра II пророчествующего о гибели русского царя, об истреблении детей царского рода.

В заключении предлагаем вывод о том, что “сюжет княжны Таракановой” на правах “политического субъекта” активно участвует в Отцеубийстве, рассматриваемом как русский вопрос общего кризиса

¹⁸ Фигнер 1928: 253. Цит. по: История русского искусства, т. IX, 1965: 48.

¹⁹ Синдаловский 1997: 266-267.

царской институции во время нигилистического свержения кумиров и анархистической расправой с ними.

В памятник Екатерине Великой и ее сподвижникам, воздвигнутый Дворцом, устное и литературное слово стреляли невидимыми пулями, вторя выстрелам в Царя-Отца и сановную власть.

Примечания

1. Среди основных слагаемых в реконструкциях истории захвата и обороны власти Екатериной II – мемуары современников ее правления, большая часть которых создана в начале XIX века, но чье опубликование в России началось во время правления Александра II. Среди них особо значимы “Записки” княгини Е. Р. Дашковой (1804-1806), появившиеся в английском переводе в 1840 г., а в 1859 г. в русском переводе в Лондоне. Записки княгини Дашковой, несмотря на приверженность к Екатерине, привлекают внимание к паре императрица – Орлов-цареубийца, они восстанавливают опыт освобождения Иоанна Антоновича. Их поддерживают воспоминания Андрея Болотова (1800-1805), чья публикация осуществлена в “Русской старине” 1871-1874. До того Европа знает неофициальную историю Екатерины по запискам ее зарубежных свидетелей – достаточна известность в Париже “Истории и анекдотов революции в России в 1762 г.” секретаря французского посольства при Екатерине II – Рюльера.

Можно предположить, что голос мемуаров до их публикации - один из источников петербургского фольклора. Петербургские предания и легенды хранят память о политических спектаклях после воцарения Екатерины II и передают ее от поколения к поколению в устном слове²⁰.

2. Сюжет о “самозванке”, реконструированный в XIX веке в виде литературной истории, имеет следующие ходы.

В южной России бушует восстание самозванного Петра III - Емельяна Пугачева (1773 – 1775), как реакция на непосильные налоги, нужные для ведения войны, которую Турция неожиданно объявила Екатерине II в 1768 году и которая длилась до 1775 года. Европа наносит Северной империи политический удар, отказывая ей в своей поддержке за счет Турции. В это время трон Екатерины был подвержен новой атаке. Молодая дама путешествует по Европе и объявляет свое царственное происхождение как дочь императрицы Елисаветы Петровны. Особа блестит изысканностью, светским воспитанием, знанием языков, необыкновенной схожестью с императрицей Елисаветой и легитимирует себя как принцесса Владимирская. Она ведет светский образ жизни в разных городах Европы. В 1774 г. под влиянием князя Радзивилла (чьи действия расцениваются как ответ на действия Екатерины по разделению Польши - Ключевский) она

²⁰ Синдаловский 1997: 119-127.

объявляет себя претенденткой на русский престол и политической соперницей Екатерины II. Для этой цели она оперирует копиями завещаний о наследственных правах на русскую корону. Одно завещание - Петра Великого, будто бы указавшего на дочь Елисавету, как на свою наследницу, а также и копии завещания Елисаветы в пользу дочери.

Молодая дама, ведущая светскую жизнь в разных европейских столицах, получает влиятельную поддержку Версальского двора, Германии (где немецкий принц просит ее руку), польской конфедерации, ордена иезуитов, папского двора. Она попадает в Дубровник (Рагузу), после кораблекрушения на пути в Константинополь, где ищет поддержку турецкого султана. Из Дубровника таинственная дама рассылает "манифесты" и письма турецкому султану, графу Орлов-Чесменскому, графу Панину. Она объявляет себя сестрой Пугачева, с расчетом на его помощь в завоевании наследственных прав Елисаветы Второй. Она предвидит привлечение на свою сторону русского войска, находящегося в южной части России близ Турции и его обращение против Императрицы.

В это время граф Алексей Орлов-Чесменский получает распоряжение Екатерины "схватить побродяжку". Вне всякого сомнения, императрица учитывала опыт, приобретенный десять лет тому назад "задушителем" Петра III.

Прикидываясь влюбленным, граф Орлов завоевывает доверие красавицы; благодаря этому ему удается заманить ее на борт корабля для венчания при обещанном зрелищном воспроизведении Чесменской битвы. Следует арест светской дамы адмиралом Грейгом, после чего она доставлена в Санкт-Петербург и заключена в Петропавловскую крепость.

Отметим, что представленная литературная реконструкция во многом совпадает с восстановкой современных историков, основанной на архивах дела²¹.

3. Русское религиозное мышление времени Екатерины II уже знает женское самозванчество в фигуре самозванной богородицы Акулины Ивановны - матери самозванца Кондратия Селиванова (Петра III) как царя и Бога, в ней признавали также императрицу Елизавету Петровну. Признание святости направлено на поддержание образа самозванного царя-избавителя и искупителя²². При этом существенно отсутствие претензий самозванки на обладание властью. В оценке русского религиозного мышления "бабье царство" - причина бед. Неприятие женского правления в послепетровское время связано с отказом от присяги, оно отчетливо звучит в дошедших до нас фрагментах устной речи: "если женщина стала царем, так пусть женщины ей и крест целуют"²³; "хлеб не родится, потому что женский пол царством владеет", "бабы города никогда не стоят, бабы

²¹ Срв.: Мильников 1991: 221-222.

²² Успенский 1996: 145.

²³ Ключевский 1958, т. IV: 267.

сени высоко не стоят”²⁴. По этой причине возникновение женского соперничества к власти Императрицы представляется возможным только за пределами религиозной картины мира и связанным только со светской фигурой. Добавим: и гораздо легче осуществимым за пределами России. В реализации политических притязаний на корону следует учесть поддерживающий контекст европейского авантюризма, как культурной формы “негатива” Просвещения²⁵.

В общем контексте самозванческого Смутного времени при Екатерине II, когда ее смущали двойники убитого мужа императора Петра III - многочисленные Петры Федоровичи²⁶, наиболее весомой политической причиной появления соперницы власти Императрицы представляется длительность женского правления страной после смерти Петра Великого.

4. Сопоставление версий Печерского и Данилевского показывает, что рассматриваемый политический спектакль, разыгравшийся при Екатерине, метафорически может быть представлен шахматной игрой, преследующей “смерть царя”. При этом – не “игрой случая”, а “игрой разума”. В обеих интерпретациях политические игроки, рассчитывая на поддержку Офицера (Орлова), преследуют одинаковые цели: устранение Дамы-Царицы соперника. Заметим, что “академия игроков” – одна из представительных культурных форм Екатерининского века и в особенности “игра в шахматы”, как игра русского царя, чтимая особенно высоко еще Петром I (Пыляев 1990: 26-27). За этим можно разглядеть модель общения, соизмеримого с битвой, построенного на рационализированном обмане соперника.

Литература

Данилевский 1983: Г. П. Данилевский. Княжна Тараканова. Сожженная Москва: Романы/ Предисловие и примечания В. Мещерякова. Киев. Дніпро.

Дашкова 1985: Екатерина Дашкова. Записки 1743-1810. Ленинград, “Наука”.

Зорин 2004: А. Зорин. Кормя двуглавого орла. Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. Москва, “Новое литературное обозрение”.

История русского искусства... 1965: История русского искусства. Т. IX, кн. 2. Москва, “Наука”.

История русского искусства... 1980: История русского искусства. Т. 2, кн. 1. Москва, “Изобразительное искусство”.

²⁴ Соловьев 1993, т. X: 644.

²⁵ об авантюристах Просвещения подр. см.: Строев 2000.

²⁶ Чистов 1967; Успенский 1982 (1996); Мыльников 1991.

Карнович 1993: Е. П. Карнович. Мальтийские рыцари в России. Историческая повесть из времен императора Павла I; Самозванные дети. Историческая повесть из времен императрицы Екатерины II. Москва. "Планета".

Ключевский 1958: В. О. Ключевский. Сочинения в восьми томах. Курс русской истории. Том IV. Москва.

Мельников 1982: П. И. Мельников (Андрей Печерский). Княжна Тараканова и принцесса Владимирская // Рассказы и повести. Москва.

Мельников 1909: П. И. Мельников (Андрей Печерский). Счисление раскольников. // Полное собрание сочинений. Изд. 2-е. Т. 7. Санкт-Петербург.

Молева 1980: Н. М. Молева. Архивное дело №... Москва.

Мещеряков 1983: В. П. Мещеряков. Творческий путь Г. П. Данилевского и его исторические романы. Вступительная статья в: Данилевский Г. П. Княжна Тараканова. Сожженная Москва. Киев. Дніпро.

Мыльников 1991: Испытание чудом: "Русский принц", прототипы и двойники-самозванцы. Москва.

Путь к трону 1997: Путь к трону. История дворцового переворота 28 июня 1762 года. Москва, "Слово".

Пыляев 1897 (Репринт: 1990): М. И. Пыляев. Старое жительство. Очерки и рассказы о бывших в отшедшее время обрядах, обычаях и порядках в устройстве домашней и общественной жизни. Изд. 2-е, Санкт Петербург. Тип. А.С.Суворина.

Синдаловский 1997: Н. А. Синдаловский. История Санкт-Петербурга в преданиях и легендах. Санкт-Петербург, "Норинт".

Стоименова 2003: Б. Стоименова. *В погледа на другия*: Социабилни и асоциабилни идеи в епохата на европейското Просвещение. // Диалогът на литературите в текста на културата. Шумен. УИ "Епископ Константин Преславски".

Соловьев 1993: С. М. Соловьев. Сочинения в восемнадцати книгах. История России с древнейших времен. Том 10. (тома 13 – 15, 1998). Москва.

Строев 2000: А. Строев. Те, кто поправляет фортуна... Авантюристы Просвещения. Москва.

Уортман 2004: Ричард С. Уортман. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. В 2-х тт. Москва.

Успенский 1996: Б. А. Успенский. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен. // Б.А. Успенский. Избранные труды. Том I. Семиотика истории. Семиотика культуры. Изд. 2-е, исправленное и переработанное. Москва.